

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ
**ПОСЛЕДНЕЕ
БЕЗУМНОЕ ПОКОЛЕНИЕ**

Валерий Попов

Последнее безумное поколение

«Издательство К.Тублина»

2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

Попов В. Г.

Последнее безумное поколение / В. Г. Попов — «Издательство
К.Тублина», 2023

ISBN 978-56047884-3-1

Каждая новая книга Валерия Попова удивляет. Его творческая манера, позволяющая из, казалось бы, рядового события вывести масштабное ироничное обобщение, узнается с первого предъявления. В повести «Сочиняя жизнь» автор показывает нам, что судьба неизменно благосклонна к человеку сочиняющему собственную жизнь, - надо только страстно хотеть, и все будет по-твоему. И не в ущерб другим, а лишь на пользу. Вторая повесть «Последнее безумное поколение» написана в жанре антиутопии. Но в случае Попова антиутопия не гнетет читателя безнадежностью ситуации, скорее, у него получилась «анти-антиутопия». Герои не хотят расставаться со своими страстями и слабостями, хотя, как выясняется в конце, все они... Впрочем, не будем до времени оповещать читателя о финале.

УДК 821.161.1-31
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 978-56047884-3-1

© Попов В. Г., 2023
© Издательство К.Тублина, 2023

Содержание

Сочиняя жизнь	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Валерий Георгиевич Попов
Последнее безумное поколение
Повести

* * *

© В. Попов, текст, 2023

© Фонд содействия развитию современной литературы «Люди и книги», 2023

© А. Веселов, обложка, 2023

Сочиняя жизнь

Повесть

Глава 1

Я лежу под яблоней, на раскладушке. Чуть дальше терраса. Картина необыкновенно ясная. Но все же я понимаю, что это сон. Потому что какой-то голос сверху спокойно говорит: «Спать под яблоней – это смерть». Яблоня, необыкновенно стройная и высокая (таких не бывает), поднимается прямо передо мной до неба и вся снизу доверху покрыта соцветиями из четырех нежных белых цветков. Ветра нет. Сзади, за моей головой (для убедительности?), хлопают двери автомобилей. Раскладушка очень удобная, широкая, можно сладко потянуться всем телом. Где-то рядом, я чувствую, спит и моя жена. Где точно, не знаю, но знаю, что здесь, – это и тревожит, и успокаивает. Все торжественно и роскошно. Снова хлопают двери – видимо, дорогих автомобилей. Съезжаются люди. Зачем?

Этот вопрос, заданный мною во сне, меня разбудил. Действительно, зачем съехались, если я еще жив? И у кого из моих друзей такие автомобили? Прицепившись, в общем, к мелочи, сон отвергаю. Не подошел!

Реальность – сильнее. Какой-то вольный, веселый звук воды, падающей в звонкое железное ведро. Каждое утро, в положенное время! Люблю этот звук еще и потому, что знаю: после него будет полчаса тишины и покоя. Можно потянуться лежа. Все части тела на месте. И в больнице есть минуты блаженства. Тусклый рассвет. По коридору приближается какое-то уютное, даже веселое, бряканье. Сейчас тебе что-то привезут! Капельницу? Завтрак? И то и это – забота. Давно уже не было так спокойно и легко. Бряканье в коридоре удаляется, затихает... проехали. Знаю, начинают утреннюю раздачу с того конца. И эта уже знакомая подробность наполняет блаженством, какого не было уже давно. Вот где, оказывается, оно живет! У меня есть еще минут двадцать счастья, и я погружаюсь в него. Все молчат, никто еще не разговаривал – время размышлений.

Пошевелил пальцами ног. А вот и боль во лбу, словно выстрел. Нет, это сравнение снимаю. Боль гуманнее. Удивительно, что каждый раз она дает некоторую паузу – и только потом возникает полосой от макушки до левого глаза, мутя сознание.

– Да ты настоящих похорон не видал! – увесистый голос главного авторитета в палате. Нашли тему. Знает все, до мельчайших подробностей, и охотно делится. – Это же разве похороны? – презрительно произносит. Напоминает, кстати, «подавляющим авторитетом» моего друга Бориса, который, думаю, появится здесь.

А пока соседи стоят у окна и обсуждают вынос «клиента» из морга. Прямо под нашими окнами – нам повезло. Хватает и хлеба, и зрелищ. Разнообразие похорон возбуждает, наполняет всех то гневом, то умилением. Стыдно, конечно, что я не участвую в этом «празднике», но не могу встать – общая слабость. Ясное дело, симулянт, прогульщик «праздника похорон». Отношение к себе чувствую высокомерное: какой же это больной – даже без повязки на голове? Они все «бойцы», с боевыми травмами, полученными в результате столкновений с предметами и людьми. «Зайчики», как ласково называют они себя, с повязками на голове и марлевыми «ушками».

– О! Еще «зайчик»! – радостно приветствуют. – Ну, рассказывай!

И тот органично входит в коллектив. А я вроде как симулянт. Какие-либо внутренние причины болезни головы они отрицают – туфта! И мне, конечно, неловко...

– Нет, есть же такие люди! – «лидер» наш развивает тему. – Человек уходит! А они копейки считают. Стыдно за них. Гроб этот... дешевле раскладушки! – Презрительно машет рукой. Он бы, конечно, не поскупился... да денег нет.

– А я считаю, правы они, – вступает тощенький оппонент: – Лучше деньги в хозяйство вложить, чем в эту дребедень.

Авторитет медленно поворачивается. Вот сейчас размажет спорщика, соплей не останется. Хоть в полемику вступай, собрав последние силы, – на стороне, естественно, тощенького.

Но тут входит врач.

– Кыш от окна!

И палатная иерархия временно свертывается, все расходятся по местам и смотрятся просто как больные, несчастные люди. Но когда врач неожиданно садится сначала ко мне, несправедливость эта их бесит: «Порядок же должен быть! К кому сел? Тут человек есть – с крыши упал, а этот лепила сел к симулянту!» Вижу их возмущение. Всюду жизнь и борьба.

– Ну, рассказывайте, что случилось.

– Я уже рассказывал в приемном покое.

Мне не жалко, но больно говорить. И есть.

– Теперь расскажите мне, – мягко произносит он, – все, что касается вашего появления здесь.

– Ну, была боль, от макушки до левой брови. Пошел в поликлинику. Назначили процедуры, уколы. И вот прихожу на уколы. Второй раз. Лаборантка другая была. Первая была молодая... ядовитая.

Ядовитая: все подшучивала, подначивала.

– «Два укола, – говорит, – и оба в попу! Вы как больше любите: лежа, стоя?» – «В данной ситуации лучше стоя!» «И мне! – говорит она. – Вынимайте ампулы из коробочек. Сами, сами... Мелкая моторика – это очень важно для мозга». – Бодро сделала уколы, шлепнула, и я какой-то радостный от нее вышел, словно действительно у женщины побывал.

– Можно без отступлений?

– Можно. Но вы же сами просили все... А на второй день хмурая была, пожилая. «Стоя?» – бодро говорю. «Лежа!» – рявкнула. И я как-то расстроился... Всегда говорю не то... И – туман.

– Эпилепсией не страдаете?

– Нет.

– МРТ головы делали?

– Не помню. А, здесь? Нет.

– Не работает МРТ. Неделью уже, – подключились соседи.

– Болваны! – процедил врач.

Надеюсь, это не к нам относится.

И врач пересел к соседу.

А я сказал себе: «Скорее отсюда, всеми мыслями прочь, пока боль не заела!»

Я выхожу из арки (впервые после нашего переезда в Ленинград?) и стою бабушкой закутанный, перевязанный шалью – не двинуться. Лютый мороз. Слипаются ноздри, и я пытаюсь разлепить их, шумно выдыхая через нос горячий воздух, превращающийся в белые клубы пара. Это нравится мне – хоть какое-то действие. Выпустили постоять. Двигаться тяжело. И куда – непонятно. Обступает тьма, лампочка над аркой высвечивает чуть-чуть белые ямы и горы, рывтины и сугробы. И на краю первой рывтины я как раз и стою. Шагну – и ноги уедут вниз, и

устоять не удастся, упаду. Выпустили, называется, мальчика погулять, чтобы освоился! Помню, произношу это мысленно, с легкой насмешкой. Тело неуклюже, того гляди свалюсь – а мысль уже летает вольно, судит обо всем с насмешкой и свысока. Это я отмечаю в себе. Первый выход надо запомнить.

Вдруг ко мне, как змея, тянется длинная тень от соседней арки. И вслед за ней приближается пьяный – неподвижный, стеклянный взгляд. Не найдя во мне ничего интересного, делает один неверный шаг – и исчезает, катится в яму, увидеть успеваю лишь взметнувшиеся руки. Выползает назад. Лицо уже другое, изумленное. Весь в снегу. Я, хороший мальчик, кидаюсь к нему, стряхиваю варежкой налипший снег. Теперь он внимательно смотрит на меня. Не ожидал, видимо, что его спасать будет такой малец. Покачиваясь, он лезет вдруг за пазуху, роется там, не вынимая руки, взгляд его становится сосредоточенным. Вынимает бумажку. Разглядывает ее. Явно он рассчитывал вытащить другую купюру. Целых три рубля. Злобно протягивает ее мне. Беру. Ясно вижу ее при свете фонаря. До того – и долгое время после того – не держал в руках денег, поэтому жадно вглядываюсь. Распознаю буквы: «Три рубля». И еще на этой жестковатой бумажке, словно промасленной, с таинственным мелким узором, изображен военный в шлеме. Летчик? Танкист? Радуюсь. Держу. Прятать некуда – весь замотан. Эх, надо было в варежку – не догадался! Не сказав ни слова (а ведь слово, как я тогда уже чувствовал, лучше всего), он поворачивается и продолжает свой трудный путь. И летит в ту же яму, взмахнув руками. Выбирается ошарашенный: что же, теперь так будет всегда? Я снова отряхиваю его, и вдруг он, повернувшись ко мне, резко выхватывает трешку из моей руки. Хватит, попользовался! Нароят тут ям – и обирают прохожих. Сейчас, чувствую, будет удар. Я пачусь и скрываюсь за калиткой. Но почему-то довольный. Приключение! И что-то уже соображаю для себя: удачей надо пользоваться молниеносно, не хлопать ушами.

– Хорошо погулял? – спрашивает бабушка.

– Хорошо! – гляжу на себя в зеркало, румяный, глаза блестят.

– А чего так быстро?

«Надо было еще быстрее!» – шучу я про себя, но вслух не говорю. Урок жизни. И такой яркий!

– В пионеры вас будут принимать в Музее Кирова! – сообщает нам Марья Сергеевна. – Это большая честь для вас! Вы должны принести с собой галстук. И быть в аккуратных белых рубашках. Я это уже вам говорила. Сейчас вы положите галстуки на парту, и я осмотрю их. Они обязательно должны быть куплены в магазине. Никакого самостоятельного пошива. Я предупреждала. Кладите галстуки на угол парты в сложенном виде. Иду.

Уши моего соседа по парте Николаева густо краснеют. И я знаю, в чем дело: у него, наверное, ситцевый галстук. Весь наш класс разделится на «ситцевых» и «шелковых». Шелковый галстук – яркий, как пламя, красиво топорщится, а ситцевый – темный и свисает, как тряпка.

– А я вообще эту портянку не буду носить! – гоношится перед уроками хулиган Остопов. – Пусть примут, и всё!

Но в основном «ситцевые» помалкивали. Стыдились? Мне, например, было стыдно оттого, что я рядом с Николаевым и у меня – шелковый. А вдруг и у него шелковый? Пустая надежда. Я был у него дома, видел, как они живут.

Марья Сергеевна приближается. Я вынимаю из портфеля аккуратно сложенный бабушкой галстук и кладу. Он сразу расправляется, как живой. Ни складочки! И я чувствую, что он даже освещает снизу мое лицо.

– Что это? – скрипучий голос Марьи Сергеевны. Это не мне. Она идет по проходу со стороны Николаева. Уши его еще больше краснеют. А я ничего и не вижу, кроме его ушей. Отвернулся от меня вообще!

– Что это? – повторяет она.

– Мать сшила, – сипло говорит Николаев.

– Посмотрите – что это? – она повышает голос и, видимо, поднимает галстук Николаева на всеобщее обозрение. Я не знаю, я не смотрю. – Что это, я спрашиваю вас! – голос ее звенит. Она подключает к этому делу класс. И все рады:

– Носовой платок!

– Носок!

Класс гогочет, шумит. Почему не подухариться всласть, если училка того хочет?

Николаев хватает школьную сумку – тоже сшитую матерью – и выбегает из класса.

Неуютно в этом дворце. Шикарно, но холодно. Неужели Киров тут жил? Большой зал, но почему-то стеклянные стены. Тропические пальмы явно зябнут. И меня знобит. Родители мои не бедные, я считаю, но бабушка нашла мне белую рубашку только с короткими рукавами. Летнюю! Уж не могли нормальную купить!.. Но на самом деле я страдаю из-за того, что нет Николаева. Неправильно это!

Нас строят. Потом, улыбаясь, входят старые большевики – и каждому из нас достается свой. Мне повязывает галстук моложавая тетя. Когда это она успела поучаствовать в революции? Потом мы поднимаем ладони над головой в пионерском салюте и произносим клятву. И от этой торжественности знобит еще сильнее.

– Киров здесь никогда не жил, – красивая седая женщина начинает экскурсию, – это бывший дом балерины Кшесинской. Но здесь после революции располагались различные советские учреждения, и Киров бывал в них по служебным делам. Поэтому в здании решено было создать его музей, и в 1938 году музей открылся. Я заведующая фондом рукописей Фаина Васильевна. Если будут вопросы – не стесняйтесь, спрашивайте.

Вопросов никто не задает, но шумят здорово. Раз уже всё позади – можно галдеть. Я пытаюсь слушать, хоть что-то запоминать. Всего-то три зала. Первый – детство, старые фотографии. Второй – деятельность Кирова, группы людей, высокие горы, пароходы, военные строим. Слов заведующей в гвалте не разобрать – а она специально не повышает голоса. Вот улыбающийся Киров в окружении радостных пионеров. Обиженных среди них нет. Киров такого бы не допустил.

Третий зал посвящен убийству Кирова. За что? Он сделал столько добра. Таких особенно жалко. Откуда-то течет тихая музыка. Тут народ умолкает. На фото – Киров в гробу. А вот длинная очередь трудящихся – проститься с ним.

Фаина Васильевна указывает на отдельно висящий портрет.

– Это Николаев, убийца Кирова.

И наших вдруг охватывает дикая радость!

– Теперь понятно, почему Николаева нашего не приняли. Вот гад!

Общий хохот.

– Наш-то Николаев при чем?! – говорю я.

И все переключаются на меня.

– Понятно, почему они за одной партой сидят!

– Ти-хо! – Оказывается, и Фаина Васильевна может рывкнуть.

Все умолкают. И она быстро заканчивает экскурсию.

Честно говоря, я расстроился. Ну почему так? Вдобавок ко всему в рукаве пальто нет моей шапки. Выпала? Но где же она? Все радостно удалились, а я стою. Переживаю все сразу. И вдруг показывается Фаина Васильевна.

– Ты чего?

– Не могу шапку найти, – признаюсь я.

– Это не она? – Показывает на торчащую из-за батареи лямку.

– О! Она! – Вытягиваю шапку. Вся в мелу. Специально засунули. Торопливо пытаюсь оттереть мел.

– Не хочешь чаю со мной попить?

– Давайте!..

– Ты, я вижу, парень с душой. Переживаешь! Таким нелегко.

– Почему? Мне легко!

Теперь-то, конечно, да. В комнатке Фаины Васильевны тепло, не то что в этих... залах. Горячий чай! У нас дома чай всегда чуть теплый, как-то без внимания. А тут хорошо. Кругом папки, на полках и столах, и от этого почему-то уютно.

– Вот, обрабатываем материалы, воспоминания современников Кирова. Готовим для выдачи. Люди пишут диссертации. Даже книги. Но приходится немножко... обрабатывать нам.

– Ошибки?

– Да... И не только грамматические. Люди самое лучшее должны знать! – Она улыбается. – Хочешь к нам ходить?

– Да!

– У нас есть клуб юных историков. Правда, не таких юных, как ты. Но изучение истории, – она кивает на папки, – развивает не только ум, но и душу. Юность Кирова мы уже обработали. Но читать можно только здесь.

– Да это... самое лучшее место! – говорю я.

Здесь действительно уютно. «Хозяин» этого дома Киров нравится мне – бодростью, уверенностью, успешностью. Я бы так тоже хотел... В клубе юных историков я поначалу сидел в углу и слушал, но потом мне уже хотелось говорить, эмоции бушевали!

Глава 2

Забрякал телефон, возвращая к действительности. Глянул – Борис.

– Страфтсфуйте! – заговорил, как всегда юродствуя. – Как фы сепя чуфтсфуете?

Но я ответил серьезно.

– Чувствую себя средне. А что?

– Ттумаю фас нафестить.

От боли мутит. И особо накидывается она, если двигаешь лицом, разговариваешь.

– По работе, надеюсь? – говорю что говорится – не думая.

– Тта, по рапотте!

Нажимаю «Отбой».

Ну что ж, видимо, пора, чтобы явился некий божий судия, как положено. Хотя почему Борис? Достаточно того, что он всегда судил обо всем уверенно. Дефицит кадров, как и везде.

Начались наши трения с Борисом в больнице, где и должны закончиться согласно законам классицизма. Первая моя больница! И эта... только не говори, последняя, слова имеют страшную силу. Да и телевидение, с которым он притащится, – тоже.

Та больница. Мне шестнадцать лет. Возраст, когда все должно наконец определиться... но не определяется! Ангина. Распространеннейшая тогда болезнь. Опухание горла на грани задыхания, вонючие горькие мази – «Кха-кха!». Большие пыльные окна палаты. И такая же неуверенность в будущем, как и сейчас. Больница – это такое место, где приходится осознавать что-то неприятное. Помню, страдал. И не только от медицины. Медицина захомутала тут всех. Сотни шумных ребят, больница огромная (не могу, кстати, найти ее в городе сейчас) – проблемы с горлом у всех! А вот что именно с тобой не так? Все вскакивают и куда-то несутся. Оказывается, обед. А я даже не знаю! Забыл? Сам дурак. Так можно мимо всего пролететь. Парень рядом со мной только что появился и уже все знает, со всеми заодно – вместе со всеми, – кстати, и дразнит меня. Я же вроде, как все, стараюсь не выделяться, и лицо нормальное – глянул на отражение в стекле. Но что же не так? Было правило, никем уже не обсуждаемое: приносить в палату два кубика масла, входящих в обед, и два куска хлеба, и съесть их в палате за дружеской беседой, намазав масло на хлеб. И я принес. У каждого оказывался в руках бутерброд – как пропуск в благородное общество. Но... Не положила мне мама ножа! При этом был он не у всех, спокойно брали соседский или тырили в столовой. «Ладно, – сказал я себе, – завтра так и сделаю. А пока...» Я, немного отвернувшись, положил два куска масла на один кусок хлеба и вторым накрыл. Сжал оба куска, масло слегка расплющилось, да я еще и поерзал верхним, размазывая. Вот так! Я распахнул рот, вставил туда свое двухэтажное изобретение и попытался раскусить. Сразу заметили!

– Гляньте! В двойном размере! В двойном размере ест! – ликуя, кричал сосед мой по палате тощий Борис с синими губами и острым носом. Доходяга, в сущности. Но сейчас он был королем! Все смотрели на него, а потом уже на меня.

– Эй, В-двойном-размере! Куда пошел? – не унимался он.

Я, постояв у двери, вернулся, и доел двухэтажный свой бутерброд под общий хохот. Развеселил доходяг. И дальнейшие попытки мои сделаться как все радостно пресекались. «Эй! Ты что, ножик тыришь? Положь!» – это в столовой. В палате: «Не давай ему ножа, не давай! Пусть в двойном размере хакает, буржуй!» Какой я буржуй? И руководил всем этим Борис, мой теперешний друг. Такие, видимо, и попадают на телевидение и там уже делают с нами что хотят. Представляете, какую жизнь прожил я с ним?

«Борис, председатель дохлых крыс!» – дразнилку я помнил. Но «не публиковал». Знал – не одобряют. Он действительно на крысу похож: подбородок скошен, зато все рыло вперед и по бокам маленькие глазки. Но весьма уверенные, особенно сейчас, когда он надел пенсне.

«Да это все не так делается!» – выражение, пронесенное им через всю жизнь. Но беда была общей у нас. Время от времени нам в палату вкатывали наших же ребят с прооперированным горлом – хрипящих, окровавленных, задыхающихся. Вырезание гланд – прямо из горла. Тогда считалось это необходимым для детей, чтобы не болели потом ангиной. Что это может оказаться страшнее ангины, как-то не задумывались. Приказ! И вот однажды, когда привезли к нам очередного прооперированного, Борис вдруг проникся сочувствием и ко мне – я был следующим в очереди. А в этот момент как раз уныло проделывал свой фокус – «В двойном размере».

– Да это не так делается! – в сердцах произнес он и протянул мне нож. А потом – и руку.

– Борька Шашерин!

Да кто же его не знал.

– Валерка Попов! – это я произнес с тенью шутки. Поймет? Но его тянуло на пафос.

– Питерцы должны выручать друг друга! Блокадник?

– Нет, – это я выговорил с трудом, но иначе не мог, врать я тогда еще не научился.

– Ладно. Бери! – Он все еще держал в руках нож как символ примирения. Так бывает.

– Нет. Спасибо. Я уже так люблю. – Я разинул рот как мог, чтобы вставить «сооружение». Тут могла бы возникнуть ссора... Но доброе дело, как и должно быть, имеет хорошее продолжение.

– Глянь, какие погоны к нам зашли! – воскликнул Борька в восторге.

Я, с разинутой пастью, глянул на дверь и замер – стояла мама, озираясь, и с ней какой-то уютно кругленький, сияющий улыбкой и лысиной (а также погонами, поразившими Бориса), смутно знакомый человечек.

Я отложил бутерброд и закрыл рот.

– Так вот же Валерка! – воскликнул он, и они с мамой кинулись ко мне.

– Помнишь меня? – сияющий генерал тряс мою руку.

– А, вспомнил, вы в командировку к нам приезжали.

– Ну вот, а теперь уезжаю. Давай-ка заглянем с тобой к главному врачу.

Появление это – не просто так, обязательно что-то будет, почувствовал я. Очень бы не помешало в этой жизни. Знаки различия я знал: змея с чашей на погонах – значит, врач. Но и мамин друг!

– Скажи, что я с тобой! – шепнул мне Борис.

– Вот и мой друг тоже хочет... пойти, – выдавил я.

– Шашерин Борис! Тоже с этим делом! – он провел ребром ладонью по горлу. Гость оценил, захохотал.

Мама встревожилась, но гость продолжал сиять.

– Ладно. Пошли с другом. Василий Чупахин! – Он пожал руку Борису. Рука его по сравнению с шершавой рукой друга была маленькая и мягкая.

Высокий гость невысокого роста зашел в кабинет к главному врачу, и там слышался то веселый разговор, то хохот. Так он, видимо, всех и покорял.

– Приезжайте к нам – примем лучшим образом! – щебетал Чупахин.

Хозяин кабинета проговорил что-то тихо, и Чупахин захохотал.

– Ты узнаешь его? – мы с мамой сидели у двери, и мама нервничала. – Это Васька Чупахин, мой старый друг, еще школьный. Он сейчас главный врач крупного военного санатория в Сочи. Он хочет тебя... – Глянув на моего друга, она осеклась, заговорила о другом:

– Васька (была у нее как у дочери академика привычка говорить обо всех свысока, что меня смущало) уверяет, что гланды давно уже никто не рвет. Это дикость. Гланды необходимы.

Последние исследования показали: на них все микробы оседают. Хочет тебя... то есть вас, – глянула на Борьку, – забрать отсюда.

– А куда? – нахально спросил Борис.

– А на кудыкину гору! – весело ответила мама. Она, вообще-то, была веселая, только с моей болезнью – и с уходом отца – стала часто задумываться. – Тихо! – сказала она и подошла к двери.

Чупахин душевно прощался с главным. Заскрипела дверь. Мама отскочила. Вася выка- тился, как шаровая молния, но – несущая радость.

– Ну вот, орлы, все в порядке! Летите! – сказал он.

– Куда? – спросил Борис.

Но его вопрос как слишком наглый был оставлен без внимания. И мама решила, что на Борьку можно больше внимания не тратить. Сын рядом.

– Вот, – торжественно сказала мама мне, – Василий хочет тебя забрать к себе в санаторий. Подлечишься. Искупаешься в море. Окрепнешь! – Мама сияла. Вот какие друзья у нее!

– А меня, значит, – под нож? – хмуро проговорил Борис.

– Ну почему же под нож? – с нетерпением произнесла мама. – Тебе же сказали – можешь идти.

– Ну да! А через неделю опять заберут. И – чик! – Провел большим грязным пальцем по острому кадыку, выпятив еще и нижнюю челюсть.

Васе как яростному противнику вырезания гланд не так легко оказалось от него отвязаться... Ну вот. Самое время проверить, что я за человек. Борис все-таки помог мне, хоть и не сразу!

– Вообще-то, мне будет с ним веселей! – прохрипел я, не глядя маме в глаза.

Чупахин прищурил один глаз, что-то прикидывая.

– Веселей, говоришь? А давай! – Повернулся к Борису. – Если денег на билет наберешь на плацкартный – давай! Парень ты, я вижу, шустрый.

– Кореша скинутя! – веско сказал Борис.

Чупахин глянул с интересом: что за кореша?

И жизнь показала, насколько Чупахин умен и умеет использовать неожиданности: Борис оказался в Сочи гораздо нужнее меня.

– Ну тогда едем завтра! – Чупахин вздохнул. – Жалко, что ты, Алевтина, с нами не едешь!

– Так ты и не зовешь, – произнесла мама кокетливо.

Если бы сейчас спросили меня, где я вообще хочу жить, я бы ответил – только там. Тени- стое место (что так ценно на юге!) возле административного корпуса военного санатория в Сочи. Просторная прохладная квартира на втором этаже – темноватая из-за нависших вет- вей. Утром я просыпался в счастье, видя прямо перед собой за окном цветок олеандра, среди блестящих и крепких темно-зеленых листьев похожий на разрезанное на четыре части кру- тое яйцо: четыре красивых желтых язычка среди белых лепестков (расчетверенный белок, без скорлупы). Но если разрезанное крутое яйцо шибает сероводородом, то тут запах сладчайший и, я бы добавил, томный, навевающий сладкие сны.

Шестнадцать! Возраст томительный. Выходил на балкон. Борис и любимый племянник Чупахина Леня-курсант (белокурый херувим) маялись во дворе. Разделенная на черно-белые клетки площадка, и на ней шахматные фигуры в человеческий рост, стала любимым их местом отдыха. Предполагалось, что умственная зарядка будет тут сочетаться с физической. Но друзья больше любили химическую. Бутылки прятались за фигурами, и Чупахин из своего кабинета на первом этаже, думаю, с отчаянием, наблюдал эту, самую медленную, игру. Фигуры огром- ные, тяжеленные, и Леня с Борисом передвигали их крайне неохотно – только из-за движения солнца, прорывающегося сквозь ветви и смещения теней. В тени стояли бутылки сладчайших

вин, казавшиеся такими заманчивыми, особенно издали, поскольку с утра я не пил. Крикнув им на бегу что-нибудь вроде «Ходи конем!», мчался на море. И только возле больных на костылях притормаживал бег.

Выбегал на галечный пляж. Штормило всегда! Огромные прозрачные горы сжирали длинный бетонный мол, потом, разлившись по берегу, отступали, с грохотом утаскивая с собой гальку. Пауза... и опять – оглушающий грохот! Какие-то акробаты прыгали с мола прямо в надвигающуюся волну, потом их выбрасывало, кувыркая, и они, хохоча и вытирая одной рукой лицо, а дугой упираясь в склон, съезжали с грохочущей галькой по пляжу. Я тоже предавался этому несколько дней, и это было неплохо – пока я не нашел свое.

За мысом было райское место. Ветер туда не проходил. И волны – тоже. Буйство тут было задавлено бетонными глыбами, ярко-белыми, но с ржавыми крюками, цепляя за которые их и кидали сюда... И теперь тут была сладкая тишь. Ароматы цветов долетали с крутого берега. Между глыбами были лишь небольшие пространства ярко-синей, прозрачной, тихой воды. Вот где можно было ею насладиться, медленно плавая, видя красивое дно с подвижной солнечной сетью на нем. И главное, на одной из белых, нагретых солнцем граней наклонно уходящей в прозрачную воду глыбы сидела она – загорелая, длинноногая, стройная, с белой волной волос, сбегających по спине, и голубыми глазами, скромно опущенными. Иногда она спускалась и плыла – в метре от меня! Ноги божественно преломлялись в воде... А я тут плюхнусь, как бегемот! И мой взгляд вдруг приковывал к себе белый замок на горе, заросшей цветами, – с колоннами и мраморной лестницей, по которой мы с ней могли бы пойти, что было бы, кстати, удобно... но не сейчас. Потом она уходила, так и не глянув на меня. Но тихо улыбалась, опустив глаза.

Вечером мы с орлятами шли на танцы с оглушающим военным оркестром. Но она не ходила туда. Дамы были, и, судя по нарядам и лицам, готовые к бою... Но увы – пожилые! А кто для нас тогда не был пожилым?

Друзей моих это не огорчало. Они выпивали на скамейке в кустах – кстати, в оживленной компании, где мы были приняты. «Хватит вам!» – говорил иногда кто-то из собутыльников. Чудесное время, когда заботятся о тебе!

Впрочем, я имел право выпить: «Несчастливая любовь!» – и от выпитого она становилась еще более несчастной, пронзительной. Чем бы я там жил без нее? Борис интересовался военной практикой, удивляя своей эрудицией даже профессионалов:

– Ну и что, какие у вас ножи? Разве это лезвия!

И лишь когда музыка прерывалась, мы обращали внимание на Леню. Он молчал, но пил безостановочно.

– Ну как этот? Готов? Совсем удара не держит! – произносил Борис, и мы волокли Леню «до хаты»... Для этого, собственно, нас и пригласили. Но какие обиды? Благородное дело. И мы, как два ангела, несли его.

А с утра – похмельная шахматная партия. Я слышал голос Бориса, поучающего Леню: «У нас на Шкапина и не так поддают – но удар держат». Впрочем, он наставлял и более старших: не те носят штык-ножи, предписаны другие!

В последний мой день (откуда узнала?) она уже прямо глянула мне в глаза, в душу. То было счастье!... Но я лишь помахал ей рукой.

Когда Чупахин провожал нас, мой вид одобрил:

– Вот ты, Валерка, отлично отдохнул, молодец! А вы... шахматисты, – он насмешливо глянул на Леню и Бориса, – словно и не отдыхали.

Леня виновато вздохнул.

– Работали! – хмуро проговорил Борис.

Глава 3

Батя, узнав о моих недомоганиях (правда, с некоторым опозданием), примчался к нам.

– Давай в Суйду его возьму, отдохнет!

– Спыхватился! – проговорила мать. – После Сочи что ему твоя Суйда? Картошку окучивать? Внуку академика?

Я смутился.

– Я готов.

Хоть в тундру – лишь бы не обидеть никого. Тем более родителей. В Суйде мне неожиданно понравилось. Хотя вид скромнее, чем на юге. До этого я тут был лишь однажды, зимой. Но тогда, видимо, не созрел.

Но теперь и конюшня меня пьянила. Отец, внедряя меня в жизнь, послал меня из своего кабинета сказать конюху, чтобы запрягал. Я спустился по лестнице, вдыхая затхлые запахи здания, некоторые – незнакомые, и вышел во двор. Дирекция была единственным сохранившимся зданием из имения Ганнибала. Батя мне уверенно сказал (в моем возрасте, наверное, уже можно?), что именно в этом здании (и конечно, именно на этом старинном диване, комментировал я) был зачат Пушкин. Отец уверял, что родители поэта были здесь именно тогда. Где же еще? Спорил, горячился... Фантазер еще тот!

И вот я в конюшне. И чувствую упоение. Как будто я здесь родился! Или, во всяком случае, был зачат. Как берегут запахи прелой упряжи, навоза – словно это было первое, что я вдохнул. Советовал бы парфюмерам сюда заглянуть. Гулко перебирающие копытами кони в пахучих стойлах... И еще – едкий пот, щекочущий ноздри; сладкий аромат сена. Буду тут жить!

Конюх, как король – так он королем тут и был, – устроил себе королевское ложе в крайнем стойле: седла, чересседельники, хомуты и прочая мягкая кожаная утварь заполняли пространство. Одно из уютнейших – видимых и нюхаемых мной! Разумеется, хозяин лежал, развальясь, одна нога (в кожаным сапоге) привольно вытянута, другая поджата. Кнутом (кожей обмотана и ручка) он похлопывал по ладони. Властелин!

– Чего тебе? А! Директоров сынок. Запрягать, что ли?

– Да! – Глаза мои, видимо, сияли.

Он надел на плечо хомут, взял чересседельник и остальную упряжь.

– Нравится тебе тут?

– Да!

Он кивнул удовлетворенно. Видимо, «зарубив что-то себе на носу». Или «намотав на ус». Подключив, думаю, смекалку и цепкость. Он подошел к высокой белой кобыле с таинственной кличкой Инкакая. Такая вот Инкакая. Белая и могучая. Кося взглядом, попятилась.

– Стоять! – Он надел ей через уши кожаную уздечку. – Подури тут мне! – Вставил между желтых ее зубов в нежный рот с большим языком цилиндрическую железку, прищелкнул и, не оборачиваясь, повел кобылу за собой. Та послушно шла, цокая копытами и шумно вздыхая. Директорский тарантас стоял, выкинув вперед оглобли, Конюх, покрикивая, впрятил кобылу между оглобелей, хвостом к тарантасу, кинул на ее хребет чересседельник.

– Ну, запрягай! – Он с усмешкой протянул мне хомут.

– А... – Я застыл.

– Ну тогда смотри!

Теперь я умею запрягать лошадь (и надеюсь, не только лошадь, но и саму жизнь).

Хомут, оказывается, напяливается на голову лошади, а потом и на шею, низом вверх, и только потом переворачивается в рабочее состояние.

Отец, хоть и директор селекционной станции, запросто вышел (такой человек) к не запряженному еще экипажу и азартно поучаствовал в процессе, затянув подпругу, упершись в хомут

ногой, что сделало вдруг все сооружение, включая оглобли, натянутым как надо, похожим на планер – сейчас полетим! И даже кобыла, словно приобретя крылья, зацокала нетерпеливо копытами и заржала. Отец сел в тарантас (тот слегка накренился), протянул руку мне.

– Ну! Давай!

– Какой сын у вас! – восторженно проговорил конюх, подсаживая на ступеньку тарантаса меня.

– Какой? – отец живо заинтересовался.

– Нравится ему все! – проговорил конюх.

Я восторженно кивнул. Отец ласково пошебуршил мне прическу. Я смутился, и он, кстати, тоже. Стеснялись чувств.

– Н-но! – произнес отец с явным удовольствием, и сооружение тронулось. Мы поехали по полям. Отец держал вожжи, иногда давал их мне. – Нравится?

Я кивнул. Прекрасный вид!

– Ну, если тебе так нравится... Так, может быть, поработаешь тут? Поможешь нам.

Давняя его идея, которой мама противилась... Но я у отца.

– Можно! – сказал я.

Лучше всего, конечно, поработать было бы кучером тарантаса директорского, лететь над полями, разговаривать с высоты. Но, думаю, и отец, посадив сына на такую должность, да и я сам бы чувствовал неловкость. И пришлось мне, как всем, к шести утра ходить на наряды – еще в полутьме. У дирекции собирались люди, и бригады назначали, кому куда. Обо мне вспоминали лишь в конце, когда самые важные дела были «наряжены». На меня поглядывали с тоской (как бы не ошибиться!), и я мучился. Эмоции мои бушевали в двойном размере. Моя постоянная восторженность, желание восхититься всем, чтобы люди радовались, приводила к тяжелым последствиям. Если «так уж тебе все нравится» – делай! Кляча, которая одна осталась в конюшне (как специально для меня), каток – бревно на оси... Да, реальность порой придавливает эмоции, как этот каток. А ты не знал?

Бескрайнее озимое поле надо «прикатать» тяжелым катком, после этого семена лучше всходят. Каток иногда не крутится, тащится, и лошадь сразу же останавливается. Тяжелее тащить. Надо сгрести с бревен лишнее. Бока лошади «ходят». Устала. И вот – демарш, она поднимает хвост, маленькое отверстие под хвостом наполняется, растягивается, и вот – «золотые яблоки», чуть дымящиеся, с торчащими соломинками, шлепаются на землю. Наматывать *это* на бревно мы не будем, иначе этот аромат – и само «вещество» тоже – будут с нами всегда. Уберем вручную с пути. Ну что, утонченный любитель навоза, счастлив? Да! Можно катиться дальше.

Помню, дал слабину, съехал с лошадей к ручью поплескаться подмышками, умыться лицо. Ну и побрызгать на лошадь. Кожа ее, где попадали капли, вздрагивала, она прятала уши и вдруг заржала. Надеюсь, радостно. Но бревно впрячь обратно на бугор долго не удавалось, вспотели с моей кобылой, хоть снова мойся. Сладкий пот.

И вот стою в длинной очереди к крохотному, особенно издалека, окошечку кассы. Какой-то седой мужик узнает меня.

– Так ты Георгия Ивановича сынок? Так идем, проведу тебя.

Я мотаю головой: «Нет!» Достоинство не позволяет! Оно именно в том, чтобы стоять в этой длинной очереди, быть в этой пыльной толпе, как все. Хватило упорства на долгую, нудную работу – так не стоит терять достоинство уже в самом конце. И вот – мне протягивают окошечко ведомость, где против моей фамилии стоит сумма, написанная перьевой ручкой. Никакая другая сумма не давалась мне так трудно и не была мне так дорога. Пересчитав даже копейки, я бережно сложил все в кошелек и спрятал его в нагрудный карман. Некоторые, заметил я, закалывали карман булавкой. Умно. Перейму.

С полным правом я двигаюсь в этой, теперь уже праздной толпе и вместе с ними сворачиваю в какой-то двор – темный, теплый, тесно набитый людьми. Все подходят к огромной кастрюле на табуретке, и запросто черпают половником какую-то бурую жидкость, и пьют. Что это было, думаю я теперь. Брага? Но в тот вечер я не задаюсь вопросами, зачерпываю и пью. Имею право! Сладко! И через минуту я уже хмельной, радостный, бестолковый, заговаривающий с одним – и заканчивающий разговор уже совершенно с другим. Гляжу – и со всеми примерно то же самое. Неумолчный гул. Свадьба это, что ли, раз угощают всех? Или, наоборот, поминки? Лучше всего запоминается то, что ты так и не понял до конца.

– А ты быстро вписался! – с улыбкой, но и с легким удивлением произносит отец, когда я появляюсь.

Да в том-то и беда, что ни фи́га не вписался. Кинозал в Суйде. Темно, душно. А где их руки? Да там, откуда ноги растут. Где женские ноги, там и мужские руки! А бывает и наоборот. Что позволяет себе рабочая молодежь, точнее рабоче-крестьянская! Я тоже тут, между прочим, тружусь. А где отдача? А местная молодежь! Считает, видимо, что раз она трудится, имеет право и отдыхать как хочет. Шорохи, шепоты: «Не надо!», «Да подожди ты! Дай, я сама!». Кто-нибудь, интересно, смотрел на экран? Совсем теряли стыд – к моему восторгу... Зачем сейчас ходят в кино – абсолютно не понимаю! Блокбастеры смотреть тупо? Не чувствуют, видимо, морального права аморально отдохнуть. «Посещаемость кинозалов упала!» А чего там делать-то? А тогда – выходили из зала в возбуждении, на какое-то время отведя чужие руки от своих ног, чтобы было на чем идти... до ближайшей рощи. Над экраном висело красное полотно: «„Из всех искусств для нас важнейшим является кино“. В. И. Ленин». Тут я с ним совершенно согласен. Ползарплаты просадил на кино!

Однажды я, как прилежный мальчик, директорский сынок, стоял на берегу, над розовой гладью пруда, не отводя глаз от поплавок. В этом пруду (как уверял отец, вырытом еще пленными шведами) ловились даже лини – тонкие, матовые и без чешуи. Самые древние рыбы.

Пахнуло алкоголем. Но я уловил не только алкоголь... что-то из ароматов кинозала. Она! Звезда – не экрана, а того, что под ним. Обычно она была не одна. И очень даже не одна! Но сейчас – с подружкой. Встали вплотную за мной, едва не касаясь сосками моей спины. Даже тепло их дыхания чувствовал на шее! Перехихикивались... Но этого мне было мало, чтобы к ним обернуться. Или слишком много? Все внимание – поплавку.

– Вот с этим пареньком я бы пошла прогуляться, – насмешливо проговорила она... ударница труда.

– Да ты что? – сказала подруга. И зашептала что-то совсем тихо, наверное «Это директорский сынок».

– Ну и что? – грудным своим голосом, во всем его диапазоне, произнесла ударница порока. – Уволят? – добавила вызывающе.

И на это она готова пойти! Ей хотелось действий – а я стоял как пень. «Трудный клиент!» – как говорили мы с приятелями несколько позже.

– Встретиться бы с ним на этом самом месте... часиков в десять, – произнесла она. И, хихикая, они ушли.

Уши мои раскалились. Я еще долго цепенел – вдруг они рядом. Наконец расслабился, но не настолько, чтобы обрести здравый смысл... Долго, тщательно сматывал удочку – иначе нельзя! Но как ни мотай, от главной темы не отмотаться: «Что это было?» И какова же была у меня уже в юности сила воображения и убеждения, что я доказал себе: «Ну конечно же, она назначила в десять утра! Ведь не ночью же!» Я пришел туда в десять утра. Ослепительное солнце. И – никого! Хорошо еще, что она не начертала ничего на песке! Полный провал. Но почва тут благодатная (это же говорил отец, имея в виду свои озимые). Но без Бориса не

обойтись. Он уж распорядится!.. Если бы я с таким же упорством преследовал баб, с каким я дозванивался ему!

Он появился, скучая.

– Ну, я помню, что должен тебе, за все. Бабки?

– Нет! – в ужасе закричал я. – Денег навалом. Ну тут... – смутился. – Посмотри! Ходят.

Мы стояли у кассы кино.

– Кто? Доярки эти? Им только коров доить да бидоны возить. – Не одобрил как класс!

– Ты приезжай к нам на Шкапина, – проговорил уверенно. – Подберем тебе что-то личное.

– Приличного мне как раз не надо! – попытался сострить я.

– Понял, не дурак.

И я потащился на Шкапина, пользующуюся дурной славой. Что за Шкапин? Ну и улицу он себе заслужил! Стены закопченные – наверное, от паровозов: их слышно за домами. Рядом, предупредил Борис, есть улица Розенштейна – не отличить. Но попадать туда лучше не надо – «сядешь на перо». «А шкапинские, что ли, меня пропустят?» – «Сошлись на меня. Меня любая собака знает!» – «А вдруг она с Розенштейна забежит?» Но эта жалкая моя шутка была оставлена без ответа.

Смотрю... Никаких табличек вообще! Встречаются дома с выбитыми стеклами, необитаемые. Табличек ни на одном доме нет. И день неудачный, холодный. То ли дело удушливая атмосфера кинозала в родной Суйде! Вспомнил с тоской. Даже метро «Балтийская», с его серо-холодным вестибюлем, вызвавшим у меня озноб, когда я там вышел из вагона, теперь манило меня обратно своим светом и теплом. Но если возвращаться – не приеду никуда никогда. И я шел – не по враждебной ли улице? Впрочем, и шкапинские могли меня «принять» – Борис, я чувствовал, преувеличивал свою власть. Где обещанные им доступные красавицы? Прошло лишь непонятное существо неопределенного пола – и все. «Хорош трепаться!» – сказал бы Борис. И я смело вошел во двор. Главное – начать.

И вот оно, начало (а не конец ли?): в углу неприветливого двора стояла шобла. Каждая эпоха находит правильные слова. Дресс-код, говоря по-нынешнему, был такой: поднятый воротник, скрывающий низ лица, верхнюю часть которого прикрывала натянутая кепка-лондонка с укороченным козырьком. Откуда они появились тогда – загадка. Появились из воздуха, спертого воздуха хулиганских дворов.

Между двумя тенями должен сверкать железный зуб (фикса) и вспыхивать короткий окурок. Курить тогда полагалось прерывисто и быстро, как перед каким-то рискован делом. И вот огоньки замелькали быстрее: дело нарисовалось, появился я. Бежать было бесполезно – наряду с другими отточенными навыками той поры, отлично работали всяческие подножки, подсечки, после чего преследуемый не падал, а влетал головой в какую-нибудь каменную стену, разбивал лицо в кровь, после чего у преследователей уже не оставалось сомнений: если «кровянка» – значит, враг. Дальнейшее предсказуемо. Поэтому я кинулся к ним.

– Парни! Клево! Нашел вас! Где пузырь тут купить? К корешу иду – не с голыми же руками?

– А что за кореш? – поинтересовался длинный.

– Да Борька Шашерин! – Я сплюнул. Никого не обидел?

– А-а-а! Шашерин! – Орлята переглянулись, как мне показалось, зловеще.

Я похолодел. Розенштейновские? «Сейчас тебе оторвут то самое, что тебя сюда привело!» – я пытался острить, хотя бы с самим собой.

– А сам ты чей?

– С Лиговки!

Еще плевков.

– Не мути! Я там всех знаю! – сказал самый возрастной.

Но тут из парадной вышел Шашерин.

– Пошли!

С шоблой не поздоровался.

– Мелкая сошка! – ответил на мой вопросительный взгляд.

Но и эти мелкие могут вломить – я спиной чувствовал. Напряженно здесь. Шли наискось через пустырь. Последнее тепло выдувало ветром. Всякое желание – тоже. Двухэтажное длинное здание.

– Мы сюда? Общага, что ли? – развязно произнес я.

Борис кивнул.

– Молочного завода? – почему-то предположил я.

– Что тебя все на молоко тянет? Рабочие профессии не интересуют?

– А какие тут?

Плевков. Доплюешься...

– Ткацкое дело знаешь? Ну самые шустрые, конечно, намотчицы! – уверенно излагал он. – Шпульщицы... нормальные. Сновальщицы... ничего. Ну, тазохолстовщицу учить надо от А да Я. Твой уровень! – вдруг обидел он.

– Да ты профессор! – что-то я должен был ему ответить.

– Но всего диапазона, я думаю, не охватить в этот заезд.

– А как их различить? – поинтересовался я. – Не на комбинат же идти!

– Ты приступи. И они сами начнут отличаться, – усмехнулся Борис.

Дельный совет. Главное – приступить.

– Стой, куда? – внизу остановила вахтерша, старуха. – Мал еще!

– Катьку позови! – сурово сказал Борис.

– Работает твоя Катька. Ударница теперь! – с гордостью проговорила старуха.

– Тогда Симу! – уверенно произнес Борис.

– Для Симы ты мал еще! Сима матерых любит! – усмехнулась она. Еще и диспетчерша.

Я стоял как оплеванный, но друг мой и ухом не повел.

– Вальку тогда!

Да. Однолюбом его не назовешь. Остались, видно, только тазохолстовщицы. И не то чтобы я испытывал дикую страсть. Тянуло на воздух.

– Да вон кочерга твоя эта идет! – указала старуха.

Действительно кочерга – спускалась по лестнице. И с ней шла... тоненькая, изящная, темноглазая...

– Сеструха вроде ее. Годится?

– Специальность меня не интересует! – Я сглотнул слюну.

– Да вроде в училище она. Стой! – Он остановил кочергу.

– Чего тебе?

– Я сыт – во... Другу моему сеструха твоя приглянулась.

– Уезжает она.

– А говорить умеет? Как зовут-то?

– Нелли, – с наглой усмешкой проговорила сестра. Манеры ее слегка меня отпугнули. Но грация... божественная! – Тут отдежурила!

Что она имела в виду?

– Пусть друг твой, – почему-то общались через посредника, – утром ко мне в Стрельну придет. Первый дом на кольце – сразу видно!

– Во сколько? – подал голос и я.

– Когда петухи запоют! – дерзко ответила Нелли.

– Мать на смену уйдет, – вступила кочерга, показывая, что она тоже при делах.

Нелька, даже не кивнув, стремительно вышла. Не бежать же за ней! Мы же серьезные парни...

Закончились улицы, и трамвай гнал по тоскливому пустырю. Нет, пустырь абсолютно нейтральный, это ты тоскуешь: где моя прежняя уютенькая жизнь, где все знакомо? «Ни одного встречного трамвая! Путь в один конец?» – такого вот рода мысли. Пугало не само предстоящее действо (оно, скорее, манило). Но нету слов. Шпана тогда говорила «швориться». Не хотелось бы! Да и не смогу. «Слово, видишь ли, ему надо ключевое!» – самоиздевался я.

Дом Нельки действительно был на виду. Деревянный барак. Грохотал в дверь долго. Открыл какой-то мужик в мятой майке и таких же трусах. И с таким же лицом. И взглядом. В общем – красавец.

– К тебе, что ли? – крикнул он, обернувшись.

– Дом выступил! – появилась Нелька в халатике.

– Придавить его? – мужик показал на меня.

– Иди, Вася, жена заждалась! – Нелька была в ярости.

Мужик, надев какую-то неизвестную мне форму, ушел.

– Ну? – Нелька повернулась ко мне.

– Ну у тебя и конвейер! – проговорил я и тут же получил слепящий удар в нос. Белая рубаха, специально надетая для этого случая, залилась кровью.

– Вали! – И я вылетел на воздух. Дверь с грохотом закрылась.

Рубаха вся в крови. Как поеду? Повяжут. Зайдя за сарай, я сделал гениальное – передел ее задом наперед. Крови не видно. Во всяком случае мне. Трамвай летел. На меня время от времени нападал хохот. Ей, видите ли, слово не понравилось. Главное – нравится мне... не смотря ни на что! Потрясение испытал. По сути, творческое. Впрочем, позже пришлось столкнуться с еще более жесткой редактурой.

– Ничего, – лениво проговорил Борис. – Ты у меня чпокнешься как миленький!

Интересно! Именно я, именно у него, отметил я.

– Ладно. А должок за мной! – закончил он с какой-то, мне показалось, угрозой.

И вскоре появился у нас. Чрезвычайно торжественный. Я понял, что будет нечто неординарное. Не для родительских глаз.

– Пойдем погуляем, – сразу предложил я.

Скоро должна была вернуться из магазина бабушка, и, если увидит меня с этим «каторжным», как она сразу определила его, будет недовольна.

– Я помню, – сразу сказал он на улице, – я должен тебе.

– За что? За гланды, что ли? Так они от природы у тебя.

– Ты первый, кто по-человечески со мной обошелся, – проговорил он.

– Ну как первый? А мать?

Он лишь усмехнулся.

– Мы тут ломанули ларек. Я понимаю, что это мизер. Держи.

Так я и знал, что его «уличное благородство» нас заведет в беспросветную даль!

– Всех уже повязали. Дело за мной, – проговорил он скорбно. – Вернусь – и «примут».

А теперь, значит, дело будет и за мной, как только он поделится добычей.

– Вот! – он вытащил из кармана «гармонь денег», как говорила бабушка, и совал их мне.

– Не надо, – пробормотал я.

– Сколько я тебе должен, я спрашиваю тебя! – произнес он угрожающе.

Прохожие уже поглядывали на нас, с особенным интересом – на пачку денег, которую трепал ветер. Люди понимали, что сцена интересная: один хочет отдать пачку денег, другой

решительно ее не берет. Предложить какой-то другой выход? Я понимал, что каяться скоро придется и мне – и перед Борисом, и перед милицией (та скоро появится). Следовало временно приглушить моральные факторы и принять решение, чтобы и друга не обидеть, и зрителей не поразить слишком.

– Ну ладно! – решительно сказал я и ткнул пальцем в купюру, не самую крупную, но и не самую мелкую. Иначе Бориса было не усмирить. – Остальное убирай.

Разочарованные зрители разошлись.

– Ну? Куда дальше? – проговорил Борис.

Ну его путь, как он только что признался, был предопределен. Надо только вовремя «отцепиться» мне? Понимал, это нехорошо. Идеально было бы для него, если бы я растрогался, напился, а он бы «держал удар» и мужественно доставил меня домой: тут и верность, и покровительство. Идеальным партнером для него был курсант Леня, которого он спасал в Сочи, но которого, говорят, все-таки вышибли из училища. Такого спектра услуг, как Леня, я предоставить ему не мог.

– Спасибо тебе! Пойду продуктов куплю. А то матери с бабкой есть нечего.

Гениальный ход. Против такой программы он не мог возразить – более того, она морально его насытила.

– Рассчитывай на меня! – Он потрогал пухлый «лопатник», распирающий карман.

«Но лучше заработай», – хотел сказать ему я. Но этот вариант был бы недостаточно трагичным для него. С ларьком оно, конечно, «самопожертвенней»! Продукты я действительно тогда купил: элементы правды должны присутствовать в легенде.

Расплата, однако, пришла. Причем непонятно то ли за мою духовную черствость, то ли, наоборот, за мягкость. Позвонила мама.

– Валерий!

Что это она так официально? С работы?

– Зайди, пожалуйста, сейчас в наше отделение милиции.

Наше? Как-то я не считал его своим. Хотя мимо, конечно, проходил.

– Я жду тебя! Мне позвонили на работу и официально пригласили.

– А кто еще там будет?

– Приходи – увидишь. Только побыстрее.

Маму прямо не узнать. Наверное, она в институте такая строгая.

Я пришел и увидел в небольшой комнате чудную компанию на стульях.

Мой друг Борис, непривычно бледный. Хотя и так он не отличался румянцем. Рядом с ним красивая женщина – милиционер. Мама. И наш участковый (заходил к нам знакомиться). Только и всего. Но эта милая компания сумела закрутить интригу.

– Послушай, Валера, что я тебе расскажу, – вкрадчивым, бархатным голосом заговорила красивая. Таким тоном обычно начинают сказку. Но оказалось другое: – Борис совершил преступление, и ему грозит серьезное наказание, колония. Оттуда он вряд ли уже выйдет таким симпатичным, – улынулась она.

«А он разве симпатичный?» – хотел сказать я, но сдержался.

– Но он сказал мне, что хочет заниматься с тобой, в твоем классе. И если ты будешь заниматься с ним, он справится и успешно окончит школу. И больше преступный путь его не заинтересует. Так, Борис?

Он хмуро кивнул. Мог хотя бы слово молвить!

– Что скажете вы, Алевтина Васильевна? – произнесла красивая. Мне бы такого инспектора! Впрочем – не надо.

– Я считаю, что советские школьники должны помогать друг другу и не бросать товарищей в беде, – отчеканила мама. – И я думаю, что Валерий с его способностями может сделать

из отстающего ученика нормального. А уж Борис, полагаю, понял, что в ином случае грозит ему. Так, Борис?

Тот кивнул еще сдержаннее.

– А где ж он будет жить? – спросила подоспевшая бабушка.

– У тетки на Литейном, – прохрипел наконец он. – От школы... вашей... близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.